

УДК 81'33

DOI 10.17223/19986645/37/3

А.А. Баркович

ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ ДИАДЫ «КОММУНИКАЦИОННЫЙ – КОММУНИКАТИВНЫЙ»: ДИСКУРСИВНЫЙ АСПЕКТ

В статье рассмотрена специфика функциональности диады «коммуникационный – коммуникативный» в дискурсивном аспекте. Комплексный дискурсивный анализ лексем «коммуникационный» и «коммуникативный» предполагает многоаспектное рассмотрение их функциональности в русском языке с привлечением данных компьютерно-опосредованного дискурса. Проведены обобщения метаязыкового и металингвистического характера относительно особенностей функционирования диады «коммуникационный – коммуникативный» как оппозиционной модели.

Ключевые слова: дискурс, функциональность, метаязык, компьютерно-опосредованная коммуникация, компьютерно-опосредованный дискурс, феномен, оппозиция, диада, модель.

Введение

Функциональность современной речевой практики целесообразно рассматривать в аспекте дискурсивности по многим причинам. При всей дискурсивности дискурсивной методологии ее содержание объективно отражает важнейшую феноменологическую черту языка: взаимосвязь языковой системы и речевой практики. **Дискурс** как речевая деятельность, развернутая во времени и пространстве, обусловлена широким экстралингвистическим контекстом и коммуникационной спецификой. Ввиду лингвистической универсальности и эффективности дискурсивной парадигмы нередко типичными темами современных исследований речевой практики становятся ранее лишь гипотетически актуальные проблемы. Характерной чертой современной лингвистики является ее высокая обеспеченность информационными технологиями и компьютерными инструментами [1].

Вместе с тем **дискурсивная методология** органично совмещает преимущества когнитивно-семиологического и антропоцентрического подходов, что позволяет проводить значимые метаязыковые обобщения, востребованные в контексте совершенствования современной коммуникации, формализации естественных и создания искусственных языков. Метаязыковые обобщения в дискурсивном русле актуальны не только в контексте описания тенденций развития отдельно взятого языка, но и при решении проблем моделирования речевой практики в целом. Несомненно, «классическим» примером в данном контексте можно считать неоднозначную практику функционирования в русском языке диады *коммуникационный – коммуникативный*.

Метаязыковая рефлексия проблемной области

Рассмотрение диады *коммуникационный – коммуникативный* имеет свою традицию в русскоязычной лингвистике. *Диада* как модель лингвистического противопоставления характеризуется бинарностью оппозиционных отноше-

ний между элементами ее структуры. Терминологичность самого понятия *диада* обусловлена ее значимостью как в широком метаязыковом, так и в узкоспециальном контекстах современной синкретичной науки. Соответствующая семантика *диады* последовательно отражена в иноязычных словарях, например в англоязычных:

англ. *dyad1* – *Two units regarded as one; pair* (две единицы, составляющие единое целое; пара) [2];

англ. *dyad1* – *Two individuals or units regarded as a pair* (два лица или единицы, составляющие пару) [3] и т.д.

В вышепротитированных словарях приводятся и другие значения, узкоспециальные, как соответствующие им сферы указаны: биология, химия, социология и математика.

В русскоязычных словарях слово *диада* впервые появилось в 1910 г. в «Словаре иностранных слов, вошедших в состав русского языка» А.Н. Чудинова в двух значениях: «ДИАДА – (греч.). 1) двойственность. 2) у Пифагора символ неопределенной материи» [4]. В настоящее время *диада* является по большей части узкоспециальным термином из медицинской, математической, физической, социологической и других сфер, отсутствуя в толковых, орфографических словарях, даже – в словарях иностранных слов русского языка. Использование лексемы *диада* как лингвистического термина вполне оправданно – для обозначения пары языковых единиц близких по значению, обладающих семантикой оппозиционности (бинарности), например *коммуникационный – коммуникативный*.

При всей типичности данной языковой ситуации (*коммуникационный – коммуникативный, номинационный – номинативный, операционный – оперативный* и т. д.) для ее характеристики нет универсального, приложимого ко всем подобным оппозициям метода. Так, например, деривация лексемы *дискурс* в атрибутивном аспекте представлена трехэлементной структурой: *дискурс-н-ый / дискурс-ивн-ый / дискурс-ионн-ый*; лексема *революция* имеет дериват *революци-онн-ый*, однако все известные случаи использования лексемы (скорее, потенциального слова) *револют-ивн-ый* в речевой практике исчисляются единицами, что позволяет их относить в большей степени к речевым ошибкам, чем к осознанной реализации деривационной модели. Показателен, например, следующий контекст: *Револютивная часть решения Куменского районного суда к постановлению № 412* (Яндекс), где вместо стандартного словоупотребления *резолютивный* ошибочно для данного контекста использована единица *револютивный*. Следовательно, в речевой реальности оппозиции *революционный – револютивный* (как и многих других возможных реализаций деривационной модели с аффиксом *-ивн*) в статистически значимом виде практически нет.

Конечно же, в лингвистическом дискурсе при оценке допустимости использования тех или иных вариантов любой диады (триады или более валентной модели) существенную роль играет сложившаяся практика – «предтексты». О дискурсивной идентичности явного *дериванта* (производящей единицы) пары ‘коммуникационный – коммуникативный’, единицы *коммуникация*, говорят многие исследователи. Так, А.И. Соловьёв утверждает, что «две указанные атрибутивные формы концепта *коммуникация* [*коммуникаци-*

онный и коммуникативный] являются принципиальными в терминологическом языке как научного дискурса в целом, так и коммуникационных наук в частности» [5], однако предлагает руководствоваться интуицией: «Четкой границы в нормах употребления нет, но о своего рода интуитивном применении отличных друг от друга форм говорить все же можно» [5].

Характерно, что «результатом» изучения вопроса в данной ситуации явился вопрос, с которого и начиналось исследование: «В этой связи возникает потребность в преодолении несогласованности в осмыслении рассматриваемых терминов, их правильном употреблении, и, разумеется, встает вопрос о том, как и какими способами, осуществить эти задачи?» [5].

Ю.В. Сложеникина оперирует сходными вероятностными категориями: «На современном этапе происходит стихийная семантическая и синтагматическая дифференциация терминологических вариантов этой научной и учебной дисциплины (видимо, имеется в виду «номинация», «единица» либо что-то подобное. – А.Б.). Так, базовый термин *коммуникация* стал производным (видимо, имеется в виду «производящим». – А.Б.) для терминов-вариантов *коммуникативный* и *коммуникационный*. С точки зрения оттенков значения этих единиц в интерпретации и исследовании терминов *коммуникационный* и *коммуникативный* исходным для применения терминологического аппарата должно являться рассмотрение *коммуникации* либо как структуры и системы, либо как процесса» [6].

Данная позиция оставляет за рамками анализа феноменологическую сущность оппозиционных отношений: «При рассмотрении *коммуникации* как структуры лучше обращаться к термину *коммуникационный*, в случае же, если мы рассматриваем понятие *коммуникация* как процесс, то, очевидно, будет более правильным говорить о *коммуникативных* связях и отношениях» [6]. Сложно согласиться с подобными обобщениями: *коммуникация* как ‘структура’ не менее «коммуникационна» (относится к сущностной характеристике *коммуникации*), чем сам ‘процесс’.

В соответствии с предложенной логикой задачи когнитивного анализа референтной семиотики переносятся в плоскость субъективной практики иллюстративного и вероятностного характера, где действительно сложно найти научно обоснованные ответы.

Впрочем, в лингвистическом дискурсе представлены и более когнитивно-семиологически выверенные дифференциации пары *коммуникационный – коммуникативный*. Так, С.В. Лешёв высказал следующее суждение: «*Коммуникативное* есть нечто-в-себе, *коммуникационное* – нечто-в-ином» [7. С. 53]. В.А. Тищенко предлагает «рассматривать, прежде всего, свойство *коммуникативности* как принадлежность субъекта коммуникации, а *коммуникационное* – как принадлежность каналов и средств для осуществления коммуникативного акта [8. С. 24]. Оба вышеизложенных подхода по-разному, но уже более объективно отразили концептуальную специфику оппозиционности диады *коммуникационный – коммуникативный*.

С точки зрения семантической аргументации наиболее очевидным признаком атрибутивности нужно признать степень выраженности и характер значения ‘сообщения’ (коммуникации): если единица *коммуникационный* обладает качеством сущностной, феноменологической характеристики про-

цесса сообщения (например, *коммуникационный канал*), то единица *коммуникативный* обладает ярко выраженной семантикой 'соотнесенности' с характеризующим процессом в качестве его факультативного признака (например, *коммуникативный стиль (общения)*).

В «Толково-словообразовательном словаре русского языка» закреплена именно подобная аргументация, в соответствии с которой единицу *коммуникационн-ый* с суффиксом *-ионн-* можно связать с 'отнесенностью' к коммуникации, а *коммуникат-ивн-ый* – с 'соотнесенностью', 'способностью' и 'свойством':

-ивн-(ый)

суффикс

Словообразовательная единица, образующая как качественные, так и относительные имена прилагательные с общим значением способности к тому или соотнесенности с тем, что названо мотивирующим словом, в роли которого выступают имена существительные мужского и женского рода – обычно иноязычного происхождения (атрибутивный, дефективный, прогрессивный, регрессивный и т.п.).

-ионн-(ый)

суффикс

Словообразовательная единица, выделяющаяся в имени прилагательном со значением отнесенности к тому, что названо мотивирующим именем существительным иноязычного происхождения (телевизионный) [9].

Существенным здесь оказывается то, что одно из значений суффикса *-ивн-* указывает на 'способность'. 'Способностью' (в меньшей степени 'свойством' и 'соотнесенностью') обладают, как известно субъекты, а не процессы. Итак, для обозначения принадлежности какого-либо денотата к сфере коммуникации более обоснованным представляется использование атрибута *коммуникационный*, для характеристики свойств денотата в сфере коммуникации – термина *коммуникативный*.

Необходимо отметить, что оппозиция моделей со словообразовательными компонентами *-ионн-* и *-ивн-* носит регулярный характер в русском языке. Так «Обратный словарь русского языка» содержит 289 лексических единиц на *-ионный* и 195 на *-ивный* [10]. Конечно, некоторая часть подобных единиц не имеет прямого отношения к характеристике современных деривационных отношений в русском языке с участием суффиксов *-ионн / -ивн*: *ионный*, *аукционный*, *крапивный* и др. Однако можно заметить, что заканчивающиеся на *n*-грамму *-ион* словообразовательные основы русского происхождения в данных совокупностях отсутствуют, в то же время среди основ на *-ив* (*-ивн*) такие основы представлены: *дивный*, *отливный*, *пожнивный*, *противный* и др. Достаточно широко представлены и «ранние», уже полностью ассимилированные заимствования русского языка с латинской по происхождению диграммой *-ив* (*-iv*): *активный*, *архивный*, *оперативный*, *перспективный* и др. Данная особенность деривационных отношений свидетельствует о большей естественности развития словообразовательных вариантов с *-ивн* для русского языка. Собственно, языковая интуиция носителей русского языка не может быть не мотивирована подобным деривационным стереотипом, питающим модель.

Существенной для репрезентации семантики диады *коммуникационный – коммуникативный* как совокупности вариантов речевой практики является ее **оппозиционность**. Оппозиционность – важная черта системных свойств языка: «Каждая единица системы определяется... совокупностью *отношений* к другим единицам и *оппозиций*, в которые она входит; единица есть явление относительное и оппозиционное, как говорил Соссюр. Мы отказываемся, таким образом, от мысли, что каждый «факт» языка можно расценивать сам по себе, что он является абсолютной и объективной величиной, которая допускает изолированное рассмотрение» [11. С. 24]. Разного рода противопоставления – одна из основных гносеологических методик: ее самой известной принципиальной реализацией в лингвистике является понятие дихотомии, например *язык – речь*. Согласно словарю Ж. Марузо: «**Оппозиция** (лат. *oppositio* – противоположение). Противопоставление двух или нескольких однородных единиц языка, проводимое для выявления различий между ними» [12].

В функциональном аспекте интересны системные оппозиционные отношения между членами диады *коммуникационный – коммуникативный*. Комплексное рассмотрение функциональности оппозиции *коммуникационный – коммуникативный* позволяет учитывать несколько субаспектов, агрегируя своего рода дискурсивный гипераспект, интегрирующий специфику и логику рассматриваемых отношений в широком интра- и экстралингвистическом контекстах.

Лексикографические ориентиры дискурсивной методологии

Презентация понятийной специфики *коммуникационного* и *коммуникативного*, например, в «Словаре русского языка», апеллирует к семантике лексемы *коммуникация* и ее двух основных значений: «путь сообщения, связь одного места с другим» и «общение, сообщение». Признак *коммуникационный* признаётся атрибутивным свойством 1-го значения: *коммуникационный* – «Относящийся к *коммуникации* (в 1 знач.)»; а *коммуникативный* рассматривается как «прилагательное к *коммуникация* (во 2 знач.)» [13].

Дискурсивная специфика лексемы *коммуникация*, как и многих других, впрочем, частотных и многозначных языковых единиц, – проблема, требующая развернутого многоаспектного анализа, в том числе обстоятельного изучения лексикографических ориентиров референтной семантики. В **лексикографической** интерпретации, основанной, как правило, на каком-либо синхронном срезе речевой практики, часто прослеживается соответствующая дискурсивной практике противоречивость. В силу интерактивной природы современного дискурса вопрос первичности либо вторичности динамичной речевой вариативности в отношении стабильной языковой, в том числе лексикографической, нормативности не имеет простого ответа.

Фундаментальность *коммуникации* – базовой производящей единицы для единиц как *коммуникационный*, так и *коммуникативный* – очевидна. Но не менее очевидна и включенность в данную словообразовательную парадигму компонентов с «отвлеченной» семантикой – единиц *коммуникативность* и *коммуникационность*. Ввиду малой речевой распространенности лексемы *коммуникационность* (см. ниже), крайне скудной словарной презентации и отсутствия прямых эквивалентов данной лексемы в английском языке – ис-

точнике заимствования и единицы *коммуникация*, и множества ее дериватов – рассмотрение деривационной последовательности *коммуникация*→*коммуникационн-ый*→*коммуникационность* в функциональном аспекте малозначимо. По этим же причинам несущественно подробное метаязыковое описание оппозиций *коммуникация* – *коммуникационность*, *коммуникативность* – *коммуникационность* и *коммуникация* – *коммуникативность* – *коммуникационность*.

Рассмотрим более значимые в функциональном аспекте отношения между основательно закрепленными речевой и лексикографической практикой лексемами *коммуникация*, *коммуникативный* и *коммуникативность*. Семантика единицы *коммуникативность* в словаре Т.Ф. Ефремовой уточняется с помощью отсылки к единице *коммуникативный*: «*коммуникативность* ж. Отвлеч. сущ. по знач. прил.: коммуникативный (2)» [9]. Присутствие в деривационной парадигме *коммуникации* единицы *коммуникативность* означает обусловленность речевой практики значимостью не только ‘коммуникации’, но и ‘коммуникативности’, что, в свою очередь, усиливает оппозиционность семантики пары *коммуникационн-ый* – *коммуникативн-ый*.

Типичная в словарной практике и целесообразная, например для объяснения орфографической нормативности той или иной лексемы, отсылка к однокоренным лексемам (как в случае с единицами *коммуникативность* и *коммуникативный*) далеко не всегда подразумевает достоверную деривационную реконструкцию: для этого необходим мониторинг статистически репрезентативного дискурса как в количественном, так и во временном аспектах. В аспекте функциональности могут быть рассмотрены, например, следующие варианты деривационных взаимоотношений лексем *коммуникативность* и *коммуникативный*:

а) параллельное заимствование и калькирование как единицы *коммуникативность*, так и единицы *коммуникативный* из английского языка – *communicativeness* и *communicative*, что означает их одинаково самостоятельный деривационный статус в русском языке;

б) следуя деривационной логике, имеются основания для констатации существования непосредственных деривационных отношений единицы *коммуникативность* в первую очередь с производящей единицей *коммуникативн-ый*, а уже во вторую – опосредованных деривационных отношений с единицей *коммуникация*, в составе деривационной цепочки *коммуникация* → *коммуникативн-ый*→*коммуникативн-ость*, что означает вторичность и производность единицы *коммуникативность* относительно единицы *коммуникативн-ый* (хотя направление деривации от существительного к прилагательному более естественно: *коммуникация* → *коммуникационн-ый*).

Практика широкого использования лексики, относящейся к лексико-семантическому полю *коммуникация*, обусловлена массовостью ситуаций заимствования не только самих лексем, но и содержащих их контекстов – научная и социокультурная актуальность *коммуникационной* проблематики обуславливает постоянный экспорт в русскоязычную языковую среду соответствующей «информации». В подобной дискурсивной ситуации с полной определенностью настаивать на статистических показателях, подтверждающих приоритет того или иного варианта существования релевантных дерива-

ционных отношений, по всей видимости, нецелесообразно. Однако существование дилемм такого рода необходимо учитывать при оценке обоснованности локальной дискурсивной имплементации референтных языковых единиц.

В общедискурсивном контексте можно высказать предположение, что зависимость прилагательных как класса единиц от семантики соответствующих (однокоренных) существительных может сыграть роль в возможном усилении в дискурсе роли лексемы *коммуникативность* как номинации, структурно близкой атрибутиву *коммуникативный*, с одной стороны, с другой стороны, можно ожидать повышения частотности атрибутива *коммуникационный* как самого широкомотивированного деривата доминанты соответствующего лексико-семантического поля – лексемы *коммуникация*. Подобные микротенденции будут актуализироваться пропорционально речевой востребованности сбалансированных оппозиционных отношений в диадах *коммуникация – коммуникативность* и *коммуникационный – коммуникативный*. «Однокоренные», деривационно обусловленные оппозиционные модели релевантны для оценки дискурсивной функциональности языковых оппозиций.

Учет широкого спектра языковых отношений той или иной лексемы способствует верификации лексикографической практики, сориентированной на фиксацию в первую очередь наиболее распространенных языковых вариантов. Распространенность и очевидная терминологичность *коммуникации* и *коммуникативности* подразумевает **фиксацию** обеих единиц в разнообразных словарях. Это предположение полностью подтверждается лексикографической практикой. Так, по данным электронного лексикографического источника «Словари и энциклопедии на Академике», на русском языке имеется около 200 словарных статей о *коммуникации* и 10 статей – о *коммуникативности* [14]. Разница в объемах лексикографической репрезентации – объективный показатель, свидетельствующий о приоритетности семантики *коммуникации* относительно единицы *коммуникативность*.

Коммуникация в лексикографических источниках определяется следующим образом:

в широком смысле передача сообщения, сообщение [15];
смысловой аспект социального взаимодействия [16];

1. Процесс передачи информации, включающий адресанта, каналы, кодирование, дешифровку, содержание, эффективность, контроль, ситуацию, намерение, адресата. 2. Акт общения между людьми посредством передачи символов, целью которого является взаимопонимание. 3. Обмен информацией любого вида между различными системами связи [17] и др.

Семантика единицы **коммуникативность** толкуется принципиально по-другому:

коммуникативность – то же, что коммуникабельность [18];
коммуникативность – врожденная или приобретенная способность, навык, умение передавать правильно свои мысли, чувства, эмоции так, чтобы они правильно (доходчиво) были поняты, восприняты другим человеком (собеседником) или людьми [19].

Тенденция толкования *коммуникативности* «словарями иностранных слов» и «переводоведческих словарей» – при отсутствии его, например, в

толковом «Словаре русского языка» – свидетельствует о его нестабильности в составе узуса русского языка.

Дискурсивная имплементация значимости диады «коммуникационный – коммуникативный».

Без рассмотрения особенностей речевой имплементации языковых отношений диады *коммуникационный – коммуникативный* ее дискурсивное исследование было бы неполным. В свою очередь, актуальными аргументами любого дискурсивного исследования являются не только собственноязыковые, но и внеязыковые факторы, эксплицитно или имплицитно отраженные в речевом функционировании той или иной языковой единицы, диады, совокупности и т. д.

В рамках компактного исследования объективная репрезентация соответствующей специфики была бы невозможной без привлечения данных **компьютерно-опосредованного дискурса** (далее – КОД).

Практика использования лексем типа *коммуникативный, номинативный, деривативный* и под. в когнитивно-семиологическом контексте русского языка неоднозначна и часто противоречива. Ее можно было бы охарактеризовать как некорректную и непоследовательную, но на самом деле, конечно же, скорее, нам неизвестны соответствующие механизмы реализации языка.

Так или иначе, убедительная представительность подобных лексем в русском языке свидетельствует о существовании определенной оппозиционной модели **реализации** референтной семантики. Можно констатировать, что члены данной типологической совокупности элементов соответствующих диад успешно преодолевают более последовательную «-ионную» «гравитацию» деривационной имплементации в сфере речевого функционирования. Логично предположить, что в дискурсивном аспекте очевидным развитием таких лексем, как *коммуникация* (а не *коммуникативность*), *номинация* (а не *номинативность*) и *деривация* (а не *деривативность*) должны бы быть в первую очередь их прямые атрибутивные дериваты типа *коммуникационный, номинационный и деривационный*. Однако, как свидетельствует практика, в том числе металингвистическая (см. ниже), в речи уверенно доминируют не *коммуникационный, номинационный и деривационный*, а их «-ивные» варианты – *коммуникативный, номинативный и деривативный*.

Из ряда «-ионных/-ивных» оппозиций функциональность диады *коммуникационный – коммуникативный* обладает очевидной актуальностью еще и ввиду сверхдинамичного развития особого типа коммуникации – компьютерно-опосредованной. В КОД, как и в традиционном дискурсе, типичны лингвистически противоречивые девиации формирования речевых приоритетов, что, собственно, и подтверждается практикой использования оппозиционных единиц из диады *коммуникационный – коммуникативный*.

Рассмотрим достаточно типичный пример металингвистической практики лексем *коммуникационный – коммуникативный*: в лингвистической диссертации по *коммуникационной* тематике («Интернет-дискурс Беларуси в социалингвистическом аспекте») (количество словоупотреблений корпуса представлено 42 059 единицами) лексема *коммуникация* (лемма в целом) встречается 151 раз, *коммуникативность* – ни одного раза [20]. В том же тексте лемма *коммуникативный* встречается 87 раз, а *коммуникационный* – ни

разу. Выверенный научный дискурс, к которому принадлежат диссертационные исследования, как правило, отражает высокую нормативную культуру. Однако при дискурсивном анализе данного текста выявляется, что лексема *коммуникативный* последовательно использована в значении, развивающем как раз **семантику** коммуникации:

С точки зрения пространственной локализации, коммуниканты, с одной стороны, размещаются на определенных координатах несетевого мира и, с другой стороны, одновременно находятся в определенной зоне сетевого коммуникативного пространства Интернета.

Согласно их видению, жанр – это определенный социально признаваемый тип коммуникативного действия, который имеет специфическую коммуникативную цель и форму [20].

Очевидно, что и в первом и во втором примере мы имеем дело с «коммуникационной» семантикой *пространства, действия, цели, формы* – требующими «коммуникационной» формы атрибуции значения. В таких ситуациях стереотипного систематического использования вариантов, не закреплённых кодификационно, можно говорить скорее о речевых **обычаях** (по аналогии с юриспруденцией), а не о нормах словоупотребления. Практика речевого функционирования являет собой, с одной стороны, принципиально упорядоченную сферу использования кодовых систем, с другой – сферу, изобилующую исключениями из набора правил, создающими динамику и свободу варьирования элементов языка как индискретной семиотической системы.

При дифференциальном (оппозиционном) сравнении единиц пары *коммуникационный – коммуникативный* наиболее значима, прежде всего, их **лексико-семантическая** оппозиционность (оппозиция): сравниваются соответствующие лексемы как самостоятельные значимые единицы языка, однако аспект такого сравнения может быть фонетическим, семантическим, грамматическим (морфологическим, синтаксическим, деривационным – словообразовательным и словоизменительным), текстовым – сообразно уровневой структуре системы языка и задачам исследования. Так, словообразовательная реализация оппозиционных в соответствующей модели аффиксов *-ионн-* и *-ивн-* в метаязыковой парадигме носит **морфологический** характер, обеспечивая «семиологически релевантное различие морфологического состава» членов (*коммуникационный – коммуникативный*) деривационной парадигмы (*коммуникация*) [21].

Однако логично предположить, что настолько непропорциональный сдвиг значимости от одной лексемы из рассматриваемой пары к другой вряд ли обусловлен только диахронически релевантной морфологической мотивацией. В качестве одного из мотивирующих стимулов **интралингвистического** характера подобного сдвига может быть рассмотрен и **фонетический**: дериват *коммуникативный* – явно благозвучнее варианта *коммуникационный*, на один слог короче, не обременен повторением согласных *-нн-* и не имеет чужеродного для славянских языков дифона *-ио-*.

Из **экстралингвистических** стимулов формирования приоритета единицы *коммуникативный* в русской языковой системе необходимо отметить фактор широкого заимствования соответствующей лексической и синтаксической семантики из английского языка и ее калькирования, особенно терми-

нологического. Практика КОД свидетельствует (см. ниже), что прилагательное *communicative* ('коммуникативный') «выиграло» у прилагательного *communicational* ('коммуникационный') оппозиционную конкуренцию в английском языке, где нет деривационных противоречий в образовании от слова *communication* и деривата *communicative* ('коммуникативный'), и деривата *communicational* ('коммуникативность'): производящая основа в обоих случаях одинакова – *communicat-*.

Не касаясь системных особенностей английского языка, отметим как пример формальной обусловленности речевых приоритетов тот факт, что фонетически лексема *communicational* [kə-myʊəˈnɪ-kəˈʃənəl] длиннее лексемы *communicative* [kə myʊəˈni kət'iv, -ni kə tiv] на один слог и длиннее графически на три символа [2]: более краткая и удобная форма *communicative* – по сравнению *communicational*, собственно, и оказалась более востребованной в английской, в данном случае, речи.

Данные КОД убедительно свидетельствуют об активном заимствовании конструкций «*communicative +*» из английского языка в русский, что калькируется в виде «коммуникативный +». Так, словарь «Мультитран» предлагает 36 только «лингвистических» переводных **коллокаций** для пары *communicative* – коммуникативный (*communicative act, communicative approach, communicative community, communicative competence, communicative device, communicative effect* и т. д.). Лишь в единичных случаях «Мультитран» переводит конструкции типа «*communicative +*» с помощью номинативной конструкции с использованием единицы *коммуникация*: «*communicative effect*» – «эффект коммуникации», «*communicative strategy*» – «стратегия коммуникации» и др. [22]. Во всех остальных случаях данный словарь переводит *communicative* как коммуникативный. Немногочисленные коллокации лексемы *communicational* отражаются данным словарем последовательно, например: «*communicational barrier*» – «коммуникационный барьер», «*communicational strength*» – «коммуникационная прочность» и др. [22].

В **межязыковом** аспекте дискурсивная имплементация единиц *коммуникационный* – коммуникативный подтверждает экстралингвистическую мотивацию приоритета единицы коммуникативный. Так, родственный русскому белорусский язык содержит существенно меньше фонетических сложностей при атрибутивной реализации семантики 'коммуникации'/'коммуникативности' (*камунікацыя* и *камунікатыўнасць*), развиваемой в диаду *камунікацыйны*–*камунікатыўны* (*коммуникационный* – коммуникативный). По данным программы «Поиск в Google», при явном перевесе в интернет-дискурсе лексемы *камунікацыя* – 63 900 над лексемой *камунікатыўнасць* – 817 (в белорусскоязычном дискурсе более частотна *камунікацыйнасць* – 11 500, аналог относительно редкой русскоязычной лексемы *коммуникационность*), реализация атрибутивных развитий деривантов *камунікацыя/камунікатыўнасць* характеризуется практически паритетом: лексема *камунікацыйны* – 5 380 словоупотреблений, *камунікатыўны* – 5 310. В связи с этим логично высказать предположение, что при формальной схожести – фонетически и графически *камунікацыйны* и *камунікатыўны* характеризуются одинаковым количественным составом задействованных звуков и букв – данный фактор сыграл существенную роль в сопоставимом словоупотребле-

нии членов данной диады. При сравнении аналогичных диад из русского (*коммуникационный – коммуникативный*), белорусского (*камунікацыйны – камунікатыўны*) и английского (*communicational – communicative*) заметно, что более эргономичные лексемы (*коммуникативный* и *communicative*, в частности) оказались более востребованными в речи.

В английском языке единице *коммуникация* соответствует *communication*, а *коммуникативности* – *communicativeness*. В то же время русским прилагательным *коммуникационный* и *коммуникативный* соответствует целый ряд англоязычных эквивалентов – *communicative*, *communicatory*, *communicational*, *communications* [22]. Употребимость единицы *communication* в интернет-дискурсе – 1 030 000 000 «результатов», а *communicativeness* – всего 67 900. При этом по данным программы «Поиск в Google», употребимость соответствующих прилагательных составляет: для *communicative* – 15 700 000; для *communicatory* – 1 500 000 и для *communicational* – 458 000 «результатов». Для лексемы *communications* программа «Поиск в Google» выявила 670 000 000 контекстов, но к статистическим показателям атрибутивов данный тип словоупотребления имеет лишь косвенное отношение, представляя, как правило, форму множественного числа существительного *communication*, хотя и недифференцированно переводится на русский язык то как прилагательное *коммуникационный*, то как *коммуникативный*.

В контексте дискурсивной имплементации оппозиционности единиц диады *коммуникативный – коммуникационный* можно наблюдать впечатляющие результаты речевого замещения грамматической значимости варианта морфемы *-коммуникац-* вариантом *-коммуникат-* в освоении **коммуникационного** (от производящей единицы *коммуникация*, а не – *коммуникативность*), конечно же, пространства, опосредованного компьютерными технологиями. Дискурсивная практика функционирования единиц пары *коммуникационный – коммуникативный* характеризуется сложным характером, подверженным влиянию комплекса релевантных факторов. Важнейшей особенностью в данном контексте является взаимозависимость интралингвистической и экстралингвистической функциональности дискурса, оказывающих влияние на речевую практику.

Метаязыковой потенциал моделирования: модели функциональности

Использование лингвоинформационных возможностей КОД позволяет получать репрезентативные результаты как для иллюстрации экспериментальных данных, так и для создания метаязыковых конструкций – моделей. Такие модели, как, например, **металингвистическая индексация** (индексы формализации, деривационности, контекстуальности, парадигматичности и др.), позволяют, в свою очередь, создавать эмпирически верифицированный уровень обобщений в языковых исследованиях [23]. В том, что касается деривационных отношений в том или ином языке, актуальные обобщения практики КОД достаточно информативны: «...деривационная активность русской речи – выше, чем аналогичные показатели украинской и белорусской речи, при всем сходстве восточнославянских языков и грамматик» [23].

Данные КОД в масштабе высокорепрезентативной речевой практики подтверждают статистику, полученную методом сплошной выборки из одного

текста. Поиск в Интернете с помощью программы *Google* даёт соотношение употребимости *коммуникационный* к *коммуникативный* как 873 000 к 3 260 000, что представляет пропорциональность (**индекс оппозиционности**, или I_o) $\sim 0,26$. При показателях употребимости единицы *коммуникация* в 1 210 000 и 274 000 – для лексемы *коммуникативность* их соотношение, индекс I_o , будет иметь значение уже $\sim 4,42$. Такая диспропорция употребимости оппозиционных деривантов и их дериватов (по индексу почти в 17 раз) показательна: для семантики пары *коммуникационный*–*коммуникативный* деривационный потенциал модели с участием суффикса *-ивн-* оказался более востребованным практикой, чем у модели с суффиксом *-ионн-*. Иными словами, сильнее оказалась **активная** позиция, проявившаяся как **оппозиционная доминанта**, деривата *коммуникативный*. Соответственно, в паре *коммуникационный* – *коммуникативный* субдоминантой оказалась единица *коммуникационный*. Кстати, показатели употребимости в Интернете еще одной русской лексемы *коммуникационность*, однокоренной с рассмотренными единицами, низкие – всего 818 «результатов», что свидетельствует о несущественности ее оппозиционной значимости и позволяет констатировать ее деривационную **пассивность** в составе «триады» *коммуникация* – *коммуникационность* – *коммуникативность*.

Рассмотрение аспектов функциональности той или иной единицы в контексте КОД обладает особой статистической убедительностью. В контексте нашего исследования, например, в качестве иллюстративного материала оказались востребованными разнообразные **корпусные** данные о словоизменительной деривационной практике лексемы *коммуникация*, ключевой лексемы соответствующего лексико-семантического поля. Так, в «Национальном корпусе русского языка» для леммы *коммуникация* презентация разных форм ее падежей следующая:

- именительный падеж – 961;
- родительный падеж («падежи») – 1 628;
- дательный падеж – 948;
- винительный падеж («падежи») – 917;
- творительный падеж – 84;
- предложный падеж («падежи») – 931 [24].

Полученные данные о широкой и сбалансированной, в общем, словоизменительной функциональности единицы *коммуникация* позволяют не только констатировать ее распространенность в дискурсе, но и охарактеризовать соответствующую высокорепрезентативную практику как **модель**.

Так, из общего количества 5 469 единиц разных форм единицы *коммуникация* её форма именительного падежа, будучи «основной» грамматической формой, представлена в количестве 961 словоупотребление, что составило 17,57 %. Такой показатель (**индекс парадигматичности**, или I_p) близок к равновесному значению в $\sim 16,66$ % для каждого из 6 основных падежей и близок к представительству дательного, винительного и предложного падежей, соответственно 948, 917 и 931 «вхождение» (в НКРЯ представлено 11 падежей: именительный, дательный, творительный, по два родительных, винительных, предложных, плюс звательный и «счётная форма») [24]. Доступность подобных данных КОД позволяет при необходимости переходить от

сплошной выборки, которая всегда носит экстенсивный характер, к ограниченной без ущерба для **репрезентативности** обобщений. В данном контексте, например, показатели именительного падежа существительного *коммуникация* отражают слообразовательную значимость всей леммы (показатели прилагательных, зависимых в контексте от существительных, несущественно варьируются).

При некоторых недостатках интернет-поиска, например с использованием поисковых сервисов *Google*, *Яндекс* и др. подобная методика обладает большим иллюстративным потенциалом.

Итак, метаязыковые обобщения функциональности дискурсивной практики единиц *коммуникационный – коммуникативный* могут быть представлены в виде моделей. Исследование данной пары лексем актуально в контексте высокой частотности данных лексем и их семантической существенности в контексте метаязыкового сопровождения современной коммуникации.

Выводы

Лексемы *коммуникационный* и *коммуникативный* обладают совсем не тождественной семантикой, что отражено в лексикографических источниках. Следовательно, речевая дифференциация дериватов от единицы *коммуникация* в русском языке имеет существенные объективные предпосылки.

В речевом развитии данной деривационной оппозиции важную роль играют как интралингвистические факторы дискурса (например, деривационные, семантические, фонетические), так и экстралингвистические (например, активная динамика объемов заимствования в русском языке, влияние практики англоязычного дискурса, особенности переводческого дискурса). Интралингвистическая аргументация потребовала актуализации феноменологического потенциала как рассматриваемых лексем, так и всего лексико-семантического поля *коммуникация*. Несомненно, полезной оказалась подробная дискурсивная экспликация релевантной семантики с опорой на лексикографическую практику.

Значимые выводы были сделаны по результатам рассмотрения референтной речевой практики в экстралингвистическом контексте компьютерно-опосредованной коммуникации. Практика современной коммуникации обусловлена ее компьютерной опосредованностью, приобретающей характер феноменологической доминанты. Информатизация и компьютерная технологичность современной лингвистики предопределяют высокую прецизионность и практическую ориентацию языковых данных. Вместе с тем возможности КОД не исчерпывают всего разнообразия современной речевой практики.

В то же время речевая практика свидетельствует об интерференции сфер словоупотребления членов диады *коммуникационный – коммуникативный* и расширении ареала доминирования лексемы *коммуникативный*. Последовательная имплементация лексемы *коммуникационный* в русскоязычном дискурсе практически отсутствует. Приоритетом речевой практики является оппозиционный ей член диады – *коммуникативный*. Функциональность диады *коммуникационный – коммуникативный* отражает противоречивость дискурсивного развития оппозиционных отношений в речевой практике.

Речевая практика далеко не всегда соответствует метаязыковой логике деривационного развития той или иной семантики, однако в контексте дискурса, особенно компьютерно-опосредованного, критериям оценки тех или иных функциональных закономерностей присуща лингвистическая убедительность. Исследование функциональности данной диады в дискурсивном аспекте подтверждает перспективность подобной методики.

Литература

1. Баркович А.А. Интернет-дискурс: компьютерно-опосредованная коммуникация. М.: Флинта: Наука, 2015. 288 с.
2. Webster's New World College Dictionary [5th edition]. Publisher: Webster's New World, 2014. 1728 p.
3. The American Heritage Dictionary of the English Language [5th edition]. Boston, MA: Houghton Mifflin Harcourt, 2011. 2112 p.
4. Чудинов А.Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб., 1910. 992 с.
5. Соловьев А.И. «Коммуникационный» versus «коммуникативный», и наоборот // Жыццём і словам прысягаючы...: да 85-годдзя заслуж. работніка адукацыі Рэсп. Беларусь, д-ра філал. навук, праф. М.Я. Цікоцкага: зб. навук. прац. Мінск, 2007 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://elbib.bsu.by/bitstream/123456789/22805/1> (дата обращения: 29.05.2015).
6. Слозженикина Ю.В. Термин: живой как жизнь (почему термин может и должен иметь варианты) // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 5 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/5/Slozhenikina> (дата обращения: 29.05.2015).
7. Лецёв С.В. Коммуникативное, следовательно, коммуникационное. М.: Эдиториал УРСС, 2002. 172 с.
8. Тищенко В.А. Компьютерно-опосредованная учебная коммуникация: коммуникативные барьеры // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. 2009. № 9. С. 24–29.
9. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка: Толково-слово-образовательный: св. 136 000 слов, ст., ок. 250 000 семантических единиц: в 2 т. М.: Рус. яз., 2000. Т. 1: А–О. VII, 1213 с.; Т. 2: П–Я. 1084 с.
10. Обратный словарь русского языка: около 125 000 слов / науч.-ред. совет изд-ва «Сов. энцикл.». Вычислит. центр АН СССР; [Предисл. А. Зализняка]. М.: Сов. энцикл., 1974. 944 с.
11. Бенвенист Э. Общая лингвистика [пер. с фр.]. М.: Прогресс, 1974. 447 с.
12. Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. 436 с.
13. Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР: Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1985–1988. 2984 с.
14. Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://academic.ru> (дата обращения: 29.05.2015).
15. Философская энциклопедия: в 5 т. М.: Сов. энцикл. / под ред. Ф.В. Константинова, 1960–1970.
16. Большая психологическая энциклопедия / отв. ред. Н. Дубенюк. М.: Эксмо, 2007. 544 с.
17. Социология: энциклопедия / сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. Минск: Интерпрессервис: Книжный Дом, 2003. 1312 с.
18. Захаренко Е.Н., Комарова Л.Н., Нечаева И.В. Новый словарь иностранных слов: свыше 25 000 слов и словосочетаний. 3-е изд., испр. и доп. М.: Азбуковник, 2008. 1040 с.
19. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд., перераб. М.: Флинта: Наука, 2003. 320 с.
20. Белова К.А. Интернет-дискурс Беларуси в социолнгвистическом аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 2015. 24 с.
21. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энцикл., 1966. 607 с.
22. Словарь Мультитран [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.multitrans.ru/c/m.exe?a=1&SHL=2> (дата обращения: 29.05.2015).
23. Баркович А.А. Металінгвістычная індэксацыя ў камп'ютарна-апасродкаваным дыскурсе // Беларуская лінгвістыка. Минск: Беларус. навука, 2015. Вып. 74. С. 79–87.

24. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruscorgpora.ru> (дата обращения: 29.05.2015).

FUNCTIONALITY OF THE “COMMUNICATIONAL–COMMUNICATIVE” DYAD: A DISCURSIVE ASPECT.

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY, 2015, 5(37), pp. 37–52.

DOI: 10.17223/19986645/37/3

Barkovich Alexandr A., Belarusian State University (Minsk, Belarus) E-mail: albark@tut.by

Keywords: *discourse, functionality, meta-language, computer-mediated communication, phenomenon, opposition, dyad, model.*

The article considers the specifics of the functionality of the “communicational–communicative” dyad in a discursive aspect. The study of this pair of lexemes is relevant in the context of their high frequency and importance in the context of metalinguistic support of modern communication.

Complex discourse analysis of the lexemes “communicational” and “communicative” assumes the multidimensional consideration of their functionality in the Russian language and the involvement of data of computer-mediated discourse. The discursive practice of modern communication is due to its computer mediation, manifested as a phenomenological keynote. Informatization and computer maintainability of modern linguistics require high precision and practical orientation of language data.

The oppositiveness of the “communicational–communicative” dyad is essential for the representation of its semantics as a set of variants of speech practice. A complex review of the functionality of the “communicational–communicative” opposition allows consideration of few subaspects and aggregates a kind of discursive hyperaspect, integrating the specifics and logic of the considered relations in broad intra- and extra-linguistic contexts.

An important feature in this context is the interdependence of intra- and extra-linguistic functionality of discourse that influences speech practice. Intra-linguistic reasoning demanded an actualization of the phenomenological potential of the discussed lexemes as well as of the whole lexical-semantic field “communication”. Detailed discursive explication of relevant semantics based on lexicographic practice was useful. The practice of widespread use of vocabulary that is related to the lexical-semantic field “communication” is due to numerous situations of borrowing of not only lexemes, but also contexts that contain them. In the cross-language aspect, the discursive implementation of the “communicational–communicative” pair confirms the extra-linguistic motivation of priority of the unit “communicative”.

Metalinguage and metalinguistic generalizations regarding the details of the functioning of the “communicational–communicative” dyad as a model are given. Opportunities of analyzing the relevant features of language units functionality in the form of metalinguistic oppositiveness and paradigmatics indexes are found on the material of representative speech practice.

The use of attributive “communication” is more justified to indicate the affiliation of any denotation to the field “communication”, the term “communicative” semantically corresponds to a sufficient feature of the denotation in the field “communication”. The discursive practice of the functioning of the “communicational–communicative” dyad is complicated and ambiguous, susceptible to the influence of the relevant factors.

References

1. Barkovich, A.A. (2015) *Internet–diskurs: komp'yuterno-oposredovannaya kommunikatsiya* [Internet discourse: computer-mediated communication]. Moscow: Flinta: Nauka.
2. Editors of Webster's New World College Dictionaries. (2014) *Webster's New World College Dictionary*. 5th edition. Webster's New World.
3. Editors of the American Heritage Dictionaries. (2011) *The American Heritage Dictionary of the English Language*. 5th edition. Boston, MA: Houghton Mifflin Harcourt.
4. Chudinov, A.N. (1910) *Slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v sostav russkogo yazyka* [Dictionary of foreign words, included in the Russian language]. St. Petersburg: Izdanie V.I. Gubinskogo.
5. Solov'ev, A.I. “Kommunikatsionnyy” versus “kommunikativnyy”, i naoborot [“Communicational” versus “communicative” and vice versa]. In: *Zhytstsem i slovam prysyagayuchy...: da 85goddzya zasluzh. rabotnika adukatsyi Resp. Belarus', d-ra filal.navuk, praf. M.Ya. Tsikotskaga* [Life and words of the oath: the 85th anniversary of honored employee of education of Belarus, Dr. of

Philology, Prof. N.E. Tikotsky]. Minsk. [Online]. Available from: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/22805/1>. (Accessed: 29th May 2015).

6. Slozhenikina, Yu.V. (2010) Termin: zhivoy kak zhizn' (pochemu termin mozhnet i dolzhen imet' varianty) [Term: as alive as life (why the term can and should have variants)]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 5. [Online]. Available from: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/5/Slozhenikina>. (Accessed: 29th May 2015).

7. Leshchev, S.V. (2002) *Kommunikativnoe, sledovatel'no, kommunikatsionnoe* [Communicative, therefore, communicational]. Moscow: Editorial URSS.

8. Tishchenko, V.A. (2009) Learning computer-mediated communication: communicative barriers. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 9. pp. 24–29. (In Russian).

9. Efremova, T.F. (2000) *Novyy slovar' russkogo yazyka: Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy: Sv. 136000 slov. st., ok. 250000 semant. ed.: V 2 t.* [New Dictionary of the Russian language: Explanatory-derivational: 136,000 entries. c. 250,000 semantic units. In 2 v.]. Moscow: Russkiy yazyk.

10. Sovetskaya Entsiklopediya Editors. (1974) *Obratnyy slovar' russkogo yazyka: Okolo 125000 slov* [Reverse Dictionary of the Russian language: c. 125,000 words]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.

11. Benveniste, E. (1974) *Obshchaya lingvistika* [General linguistics]. Translated from French. Moscow: Progress.

12. Marouzeau, J. (1960) *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [The Glossary of Linguistic Terms]. Translated from French by N.D. Andreev. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoy literatury.

13. Evgen'eva, A.P. (1985–1988) *Slovar' russkogo yazyka: V 4-kh t.* [Dictionary of the Russian language: In 4 v.]. Moscow: Russkiy yazyk.

14. Dictionaries and encyclopedias at Academic.ru. [Online]. Available from: <http://academic.ru>. (Accessed: 29th May 2015).

15. Konstantinov, F.V. (1960–1970) *Filosofskaya Entsiklopediya. V 5 t.* [Philosophical Encyclopedia. In 5 v.]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.

16. Dubenyuk, N. (2007) *Bol'shaya psikhologicheskaya entsiklopediya* [The Big Psychological Encyclopedia]. Moscow: Eksmo.

17. Gritsanov, A.A. et al. (2003) *Sotsiologiya: Entsiklopediya* [Sociology: Encyclopedia]. Minsk: Interpresservis; Knizhnyy Dom.

18. Zakharenko, E.N., Komarova, L.N. & Nechaeva, I.V. (2008) *Novyy slovar' inostrannykh slov: svyshe 25 000 slov i slovosochetaniy* [A new dictionary of foreign words: more than 25 000 words and phrases]. 3rd ed. Moscow: Azbukovnik.

19. Nelyubin, L.L. (2003) *Tolkovyy perevodovedcheskiy slovar'* [Explanatory Translation Studies Dictionary]. 3rd ed. Moscow: Flinta; Nauka.

20. Belova, K.A. (2015) *Internet-diskurs Belarusi v sotsiolingvisticheskom aspekte* [Internet discourse in Belarus in a sociolinguistic aspect]. Abstract of Philology Cand. Diss. Minsk.

21. Akhmanova, O.S. (1966) *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [A Dictionary of Linguistic Terms]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.

22. Multitran Dictionary [Online]. Available from: <http://www.multitran.ru/c/m.exe?a=1&SHL=2>. (Accessed: 29th May 2015).

23. Barkovich, A.A. (2015) Metalingvisticheskaya indeksatsiya y kamp'yutarnaapasrodokavanyh diskursov [Metalinguistic indexing in computer-mediated discourse]. *Belaruskaya lingvistyka*. 74. pp. 79–87.

24. The Russian National Corpus. [Online]. Available from: <http://www.ruscorpora.ru>. (Accessed: 29th May 2015). (In Russian).